

Видя, что Симень Юй выглядит каким-то рассеянным, остальные трое переглянулись и с молчаливым взаимопониманием похлопали его по плечу, прощаясь и оставляя поле боя за ним.

Симень Юй подозвал управляющего баром, тихо отдал ему несколько распоряжений, а затем с выражением абсолютной уверенности в победе впился взглядом в нижний этаж.

Этим юношей, разумеется, был Чжоу Вэнье. Выступая в роли любящего и понимающего брата, Чжоу Вэнье после утреннего возвращения на родину вполне естественно потребовал, чтобы родители сопровождали его купить подарки и торт для брата, с которым они так долго не виделись и по которому безумно скучал. Затем он весь вечер до боли в глазах прождал в родовом гнезде, после полудня так и не дождавшись возвращения брата. Подавленный и убитый горем, но при этом достаточно благоразумный, чтобы не мешать брату веселиться, он с глубоким пониманием дела отверг предложения позвонить и заставить брата вернуться, чем до глубины души растрогал супругов Симень.

После этого разочарованный и опечаленный Чжоу Вэнье заявил, что хочет прогуляться в одиночестве. Получив разрешение от четы Симень, он отказался от услуг водителя и сам побродил по ночному рынку, переодевшись в дешевую одежду с уличного лотка. Затем, сославшись на плохое настроение и на то, что он никогда раньше нигде не бывал, он в одиночестве зашел в этот бар.

Едва Чжоу Вэнье переступил порог, как его смазливое личико, чистая аура и любопытный взгляд мгновенно привлекли внимание половины посетителей бара, а у многих людей с весьма специфическими вкусами загорелись глаза и они приготовились подойти познакомиться. И этот сидящий перед ним сорокалетний старый хрыч совершенно очевидно оказался самым расторопным из всех.

Чжоу Вэнье сдержал раздражение и растерянно посмотрел на мужчину. Ощущая его двусмысленные сальные домогательства и беспрестанно лапающие его руки, он смущенно покраснел до самых кончиков ушей, но совершенно не представлял, что ему делать.

Когда мужчина стал переходить все границы и Чжоу Вэнье уже был готов сорваться, к ним подошел одетый с иголки мужчина средних лет с крайне суровым выражением лица и нечто непринужденно шепнул на ухо домогателю. Лицо мужчины резко изменилось, он криво и вымученно улыбнулся и очень быстро ретировался.

Чжоу Вэнье шумно выдохнул и с безмерной благодарностью поблагодарил мужчину. Тот представился управляющим этого бара и, сославшись на то, что один из гостей позволил себе вольности, предложил угостить Чжоу Вэнье пара бокалов в знак извинения, но получил очень вежливый отказ из-за неспособности пить алкоголь.

Управляющий не стал настаивать, подозвал официанта, велел принести Чжоу Вэнье безалкогольный напиток, а сам взял бокал с вином и, выпив его до дна в знак извинения, принес свои соболезнования.

Чжоу Вэнье благодарно улыбнулся и залпом осушил напиток.

Управляющий бросил на него странный, нечитаемый взгляд и удалился.

А Чжоу Вэнье уже спустя мгновение почувствовал, как его тело охватывает все более сильный жар, в голове затуманилось. Когда официант невнятно пробормотал ему на ухо, не желает ли он подняться наверх в комнату отдыха, он в полубессознательном состоянии кивнул, после чего официант под руки отвел его в одну из комнат на третьем этаже.

Ань-и считал себя невероятно невезучим. Будучи лучшим среди Тайной стражи, подготовленной нынешним поколением клана Симень, он хоть и не был приставлен к старшему молодому господину, воспитываемому в качестве наследника, а вместо этого признал своим господином второго молодого господина, все равно оставался крайне доволен. Второй молодой господин был чист и добр, любезен с окружающими, внимателен и послушен, никогда не доставлял хлопот. Однако сегодня вечером, когда он молча последовал за вторым молодым господином в бар и увидел, как тот выпил тот самый напиток, у него шестым чувством возникло дурное предчувствие. Подав остальным пятерым стражам условный знак, он тихонько переместился поближе ко второму молодому господину. А когда того подвели к третьему этажу, он помчался следом и без церемоний уложил нескольких амбалов, дежуривших у лестницы, но прямо у двери комнаты, куда зашел второй молодой господин, был остановлен восьмью людьми.

Увидев знакомые лица, знаки различия и жесты, Ань-и почувствовал себя отвратительно. Твою ж мать, да это же Второй, Пятый, Седьмой, Восьмой, Девятый, Десятый, Тринадцатый и Четырнадцатый! А кто тогда находится в этой комнате... Ань-и молча поднял голову: четырнадцать до боли знакомых бойцов Тайной стражи смотрели друг на друга и выглядели совершенно ошарашенными.

— Второй, прикажи братьям расступиться, только что там прошел второй молодой господин! — воскликнул Ань-и.

Ань-эр горько усмехнулся и покачал головой:

— Старший молодой господин только что отдал приказ никого не пускать внутрь. Наш долг — стоять на страже, мы не можем уступить.

— Ты же прекрасно понимаешь, что произойдет, если мы не помешаем этому! — взбеленился Ань-и.

— Прости, но таков наш долг, уступить не можем, — Ань-эр остался непреклонен.

—

Ань-и мысленно сопоставил боевые потенциалы обеих сторон и тяжело вздохнул. Хотя их

шестерка превосходила противников в личном мастерстве боевых искусств, старший молодой господин, как наследник, располагал двумя дополнительными бойцами Тайной стражи. При таком раскладе силы сторон оказывались равны. Ань-и не удержался от мысленных ругательств в адрес Симень Юя: и правда легкомысленный бабник, который теряет способность соображать при виде красавчиков, — доигрался, влип же он в неприятности. Ань-эр в этот момент мысленно отчитывал Чжоу Вэнье последними словами. Раз уж здоровье ни к черту, сидел бы дома, какого чёрта приперся в этот бар? Пришел так пришел, что это за наряд на нем? Тайная стража, приставленная к Симень Юю, и так затаила обиду из-за того, что Симень Юй пахал с утра до ночи, а чета Симень в упор этого не замечала, а уж теперь они и вовсе не выносили этого второго молодого господина, который ничего не умел, кроме как марать бумагу рисунками.

Видя, что обе стороны зашли в тупик, Ань-и ничего не оставалось, как велеть стоявшему рядом Ань-саню передать весточку в штаб-квартиру.

И тогда Ань-сань с озадаченным видом отправил сообщение, «правдиво» доложив обстановку.

В итоге помощник и по совместительству глава Тайной стражи, разбиравший документы для главы Клан Симень, получил вот такое донесение: второй молодой господин напился в баре, старший молодой господин велел отвести его в свою комнату, старший брат хочет войти с нами, но второй брат преградил ему путь, запрашиваем поддержку штаба.

Помощник: «.....»

Помощник перевел взгляд с этого «срочного» сообщения на плотно закрытую дверь конференц-зала и волевым решением постановил: пожалуй, стоит подождать часок-другой, пока глава Клан Симень закончит совещание, и только потом докладывать~

Ань-и же, спустя полчаса так и не дождавшись подкрепления, понял, что дело пахнет керосином. Увидев то, что написал Ань-сань, он лишь горько усмехнулся про себя. С таким-то умом и сообразительностью неудивительно, что он проигрывает второму. Хорошо еще, что раньше второму молодому господину не доводилось попадать в серьезные передрыги — с такими-то свиноподобными соратниками исход и впрямь был бы незавидным.

Оставим пока в стороне то, насколько беспомощным и раздраженным чувствовал себя в этот момент Ань-и, спешно отправлявший новое сообщение. Комната, в которую вошел Чжоу Вэнье, в этот момент источала весьма пикантную атмосферу.

Симень Юй немного подождал в своей личной комнате, и уже через полчаса кто-то привел и уложил на его кровать приглянувшегося ему юношу. Раньше он обычно не ленился наводить справки о происхождении тех, кто пал ему в глаз, заодно заигрывая, ведя сладкие речи и добавляя отношениям романтического флера.

Но сегодня, возможно, из-за отсутствия родителей в его день рождения, а возможно, из-за чересчур сильного сходства юноши с матерью, он чувствовал лишь одно: из глубины души

поднималась волна необузданной жестокости, требующая немедленного выхода. К тому же людей из влиятельных семей его возраста он, как правило, знал в лицо, а дешевая с виду одежда юноши и вовсе заставила его потерять бдительность. Так что он поступил просто и грубо — велел вырубить гостя с помощью транквилизатора и притащить сюда.

Когда этот юноша очнется и узнает его положение, глядишь, еще и добровольно останется рядом с ним~ В глазах Симень Юя мелькнула насмешка — в этом и заключался вкус власти. Он протянул руку, откинул пряди со лба юноши и коснулся его покрасневшего, мягкого лица.

Чжоу Вэнье чувствовал лишь то, что внутри него полыхает огонь, раскаляющий тело донельзя, и даже лежание на кровати ни капли не помогало. Пока вдруг чья-то рука не коснулась его щеки — от прикосновения разлилась такая прохлада, что он невольно потерялся о нее щекой. Сам не понимая почему, Чжоу Вэнье инстинктивно почувствовал неладное. Он затуманенным взором приоткрыл глаза, уставился на мужчину рядом и настороженно спросил: — Ты кто такой? Как ты здесь оказался? — Голос звучал мягко и слабо, не неся в себе ни малейшей угрозы.

Симень Юй тихонько рассмеялся, перевернул Чжоу Вэнье на спину и, не спеша расстегивая на нем пуговицы, усмехнулся: — Разве мама не учила тебя не брать ничего из рук незнакомцев? Ничего страшного, раз она тебе этого не объяснила, я сегодня тебя научу.

В глазах Чжоу Вэнье отразился испуг, его руки попытались помешать чужим действиям, но их легко и без усилий подавили: — Это тот напиток? Ты подсыпал наркотик? Негодяй! Отпусти меня!

— О? А если я не отпущу~ — пока он говорил, рубашка Чжоу Вэнье была расстегнута до самого низа, обнажая необыкновенно белую и нежную грудь, лишенную солнца. Розовые бугорки на ней едва заметно задрожали от соприкосновения с прохладным воздухом. Потемневший взгляд Симень Юя упал на его грудь, он протянул руку и беззастенчиво принялся их мять.

В глазах Чжоу Вэнье читались скорбь и гнев, однако он уже не мог сдерживать нарастающее внутри наслаждение. Он до боли закусил губы, проглатывая рвущийся наружу стон, и в упор уставился на творившего с ним бесчинства мужчину. Во взгляде плескались лишь ненависть, отвращение и презрение.

Увидев его взгляд, Симень Юй внезапно рассвирепел. Он резким движением сорвал с них обоих одежду, безжалостно оставляя на теле Чжоу Вэнье багрово-синие следы, и даже не утруждая себя предварительной подготовкой, раздвинул ноги юноши и грубо вторгся внутрь.

Чжоу Вэнье, приготовившийся к жуткой боли, внезапно ощутил лишь волну сладкой щекотки, стремительно побежавшую от интимного места по всем конечностям и смывшую последние крупинцы оставшихся сил. Он невольно выронил приглушенный стон, и все его существо окутало колоссальное наслаждение.

— Что происходит? — с трудом сохраняя хоть капельку ясности в мыслях, осведомился Чжоу Вэнь у Системы.

— Безымянная техника обладает свойством улучшать телосложение, она преобразует тело Хозяина системы в идеальную для прохождения веток покорения форму. Поскольку на стадии новичка Хозяин неизменно занимает пассивную роль, Система по умолчанию перестроила его тело так, чтобы оно наилучшим образом подходило для утех, — в бесстрастном голосе Системы послышалось неприкрытое злорадство.

Однако Чжоу Вэнь, которого Система так подставила, было уже не до выяснения отношений: в этот момент мужчина, яростно двигавшийся на нем, вцепился ему в горло. Симень Юй чувствовал лишь то, как его пылающий жар туго сжало влажное и тесное место, оплетая намертво. Он сделал несколько яростных толчков, и дикое наслаждение взорвалось в его сознании, заставив глаза налиться кровью.

Он впился пальцами в шею прижимаемого к постели юноши и свирепо прорычал:

— С какой стати ты так смотришь на меня! С какой стати ты ненавидишь и презираешь меня! Раз уж родил меня, почему так со мной поступил?! Чем я хуже Симень Е, почему в твоём сердце есть только он!

Однако прижатый к постели юноша, который до этого отчаянно сопротивлялся, внезапно обмяк, и в одно мгновение в нем не осталось ни капли крови. Симень Юй ничего этого не заметил: он уже потерял рассудок, желая лишь выплеснуть всё до конца:

— Почему, ну почему?! Я ненавижу вас! Ненавижу!

Чжоу Вэнь бессознательно обвился руками вокруг шеи Симень Юй, уткнулся лицом ему в плечо и срывающимся голосом выдавил из себя:

— Брат...

В глазах его двоилось, перед мысленным взором стояли картины из жизни с братом в родовом поместье до того, как ему исполнилось пять лет. Тогда они не знали забот, и Симень Юй, которому еще не было восьми, вечно с презрительным видом то подтрунивал над ним, то помогал. Пока в тот самый день Симень Юй не прибежал к нему в слезах и громко не заявил, что ненавидит его, после чего прибежавшая следом мама не отчитала старшего сына. А затем он уехал во Францию, и целых десять лет больше не видел своего брата.

Брат, оказывается, ты и впрямь так сильно ненавидел Сяо Е. Сяо Е был неправ, он уйдет прямо сейчас и больше никогда не потревожит брата. Всю вину Сяо Е возьмет на себя, Сяо Е искупит грехи на небесах. Он молит лишь об одном: пусть брат больше не ненавидит маму.

Уголка глаза коснулась и медленно скатилась вниз одинокая слеза.

Последняя крупца одержимости Симень Е, таившаяся в глубине тела, тоже постепенно рассеялась, а Чжоу Вэнь под двойным воздействием колоссального телесного наслаждения и выплеснувшейся из глубины души огромной скорби потерял сознание.

Когда Чжоу Вэнь очнулся вновь, он уже вернулся в свою комнату в родовом поместье. Вокруг царила тишина, не было ни души. Плотные портьеры скрывали дневной свет, из-за чего было невозможно определить время. Он приподнялся, пошевелился и почувствовал лишь удивительную легкость во всем теле: за исключением некоторой странности там, сзади, никаких болевых ощущений не было.

Чжоу Вэнь мысленно воздал должное. Безымянная техника оказалась поистине великолепной: для тела вроде того, что было у Симень Е, отделаться на следующий день лишь некоторой слабостью и ломотой в мышцах — это уже верх милосердия.

Шаг за шагом ступая ослабевшими ногами, он вошел в ванные комнаты и сбросил пижаму. Глядя на густо усеивавшие все тело следы синяков и багровых пятен в зеркале, Чжоу Вэнь беспомощно усмехнулся. И правда, у людей с больным сердцем и плохой циркуляцией крови на коже легко остаются следы. Вчерашняя бурная страсть была куда мягче всех его прошлых ночей, но при виде этих отметин просто невозможно было поверить в происходящее.

Он быстро принял душ, переоделся в закрытую одежду с высоким воротом и длинными рукавами, надежно скрывавшую следы на теле, глубоко вздохнул, придал лицу бледный и хрупкий вид, после чего, слегка нахмурившись и изображая недомогание, открыл дверь.

В холле царила тяжелая гнетущая атмосфера, слуги сновали туда-сюда на цыпочках, трепеща от страха. Хм, похоже, вчерашний прорыв в дверь главы клана Симень прямо перед тем, как он потерял сознание, ему вовсе не мерещился. Чжоу Вэнь мысленно усмехнулся и, заметив шедшего навстречу старого дворецкого, озабоченно поинтересовался:

— Дедушка Ли, что произошло? Где папа с мамой? И еще... брат, где брат?

Дворецкий Ли слегка поклонился и ответил:

— Добрый день, второй молодой господин. Госпожа прошлой ночью не возвращалась, а вот хозяин под утро привез с собой обоих молодых господ — и старшего, и вас. У хозяина было очень мрачное лицо, едва вернувшись, он пришел в ярость и провел всю ночь в кабинете со старшим молодым господином. Второй молодой господин лег спать сразу по возвращении, так что вы, должно быть, ничего не знаете.

Лицо Чжоу Вэнь мгновенно побледнело, губы задрожали, и он дрожащим голосом спросил:

— Дедушка Ли, ты хочешь сказать, что вчера вечером именно папа привез меня и брата?

— Да, второй молодой господин. Хозяин лично принес вас на спине и отнес прямо в комнату.

Услышав это, Чжоу Вэнье словно замер на месте: его тело затряслось, он судорожно вцепился в перила лестницы и сжал их изо всех сил.

— Папа и брат все еще в кабинете? — с дрожью в голосе и полными слез глазами спросил он, объятый огромной скорбью.

Дворецкий с сочувствием посмотрел на Чжоу Вэнье, не стал расспрашивать лишнего и ответил:

— Да, вернувшись вчерашней ночью, хозяин сразу велел старшему молодому господину пройти в кабинет и приказал никому не беспокоить их. Они даже не завтракали, я очень переживаю за здоровье обоих господ.

— Хорошо, я понял. Дедушка дворецкий, не беспокойся, вели кухне приготовить еду, я сам пойду и заставлю их выйти.

После этого Чжоу Вэнье под одобрительной и благодарной улыбкой дворецкого направился к кабинету.

Этот старый дворецкий был человеком весьма незаурядным. Прослужив всю жизнь в клане Симень, он вырастил самого главу клана, и их взаимные узы были весьма крепки. Когда супруги Симень и Симень Е уехали во Францию, он остался в родовом гнезде воспитывать Симень Юя, и весь клан Симень неизменно оказывал ему определенное уважение. В оригинальной истории именно он рассказал Симень Юю о том, что родители собирались пересадить его сердце Симень Е, благодаря чему у Симень Юя появилось время, чтобы вмешаться.

Хотя дворецкий знал, что Симень Юй попал в родовой особняк лишь годовалым ребенком, он неизменно считал его незаконнорожденным и люто ненавидел госпожу Симень за то, что ради собственного чада она ни во что не ставила жизнь старшего сына главы клана, к которому старик относился как к родному внуку. К тому же, воспитав Симень Юя за десяток с лишним лет, он давно прикипел к нему душой, а потому, случайно узнав новости, не задумываясь предупредил парня.

Чжоу Вэнье ценил его еще и потому, что старик пользовался огромным доверием Симень Юя, и в один прекрасный день через него вполне могли понадобиться передать Симень Юю нужные сведения.

Чжоу Вэнье постучал в дверь кабинета и, немного подождав и не дождавшись ответа, отпер ее по отпечатку пальца и вошел внутрь.

Обстановка в кабинете была накалена до предела. Глава клана Симень сидел в кресле, в упор глядя на стоявшего перед столом Симень Юя налитыми кровью глазами, и швырял в него всё, что попадалось под руку. Старший молодой господин даже не пытался уклоняться, позволяя летевшим предметам калечить его, — на его левой щеке даже алела длинная тонкая царапина. Аккуратно расставленные прежде вещи валялись по всему полу, безмолвно свидетельствуя о

безграничной ярости главы клана.

Заметив вошедшего Чжоу Вэнье, глава клана Симень тут же подскочил на ноги, протянул руки, словно желая поддержать его, но, передумав, опустил их, натянул на лицо вымученную улыбку и спросил:

— Чего это Сяо Е вдруг пришел?

Симень Юй же, едва Чжоу Вэнье переступил порог, впился взглядом в его лицо, крепко сжав кулаки, с непонятым выражением в глазах.

Бросив быстрый взгляд на Симень Юя, Чжоу Вэнье закусил губу, подошел к главе клана Симень, обнял его за талию и капризно произнес:

— Папа, пойдем обедать, Сяо Е проголодался.

Лицо главы клана Симень омрачилось сложной гаммой чувств. Он провел рукой по волосам Сяо Е и участливо спросил:

— Сяо Е, у тебя ничего не болит? Не держи всё в себе, обязательно скажи папе. Не бойся, папа заставит за всё ответить! Эту сволочь, которая посмела обидеть тебя, папа ни за что не простит! — с ожесточением в голосе произнес он, свирепо глядя на Симень Юя.

Чжоу Вэнье поднял голову, изможденный и бледный, и принялся отчаянно махать руками:

— Папа, не надо так! Брат здесь ни при чем, Сяо Е сам вел себя глупо. Это я во всем виноват, не ругай брата больше. Сяо Е не хочет больше об этом говорить, пусть всё просто останется в прошлом, ладно?..

Глава клана Симень почувствовал острую боль в груди и в одно мгновение постарел на несколько лет. Никто не знал, насколько разрывалось его сердце, когда вчера вечером, получив известие, он в спешке примчался на место и увидел эту жуткую картину. Его старший сын все еще тяжело дышал в неистовых толчках, а младший лежал под ним — весь в синяках и багровых пятнах, безжизненный и тихий, словно порванная тряпичная кукла (классический штамп ==!). Грех кровосмешения дамокловым мечом висел над ним, наполняя горло вкусом крови. Как Симень Юй посмел! Как он посмел так поступить с сокровищем, которое они лелеяли и растили на ладонях. В этот миг сердце главы клана захлестнули ненависть и раскаяние: знай он, чем все обернется, он бы ни за что не согласился растить Симень Юя, как бы ни давил семейный совет.

Он опустил взгляд на младшего сына в своих объятиях и тяжело вздохнул. Ладно, раз Сяо Е не хочет об этом говорить, пусть будет так. Как бы то ни было, через несколько месяцев Симень Юй непременно заплатит за все своей жизнью, ведь он в долгу перед Сяо Е!

— Хорошо, папа сделает так, как хочет Сяо Е.

— И не говори маме!

— ...Хорошо, не скажу.

— Я хочу съехать и пожить один.

— Исключено! — наотрез отказался глава клана Симень. — У тебя слабое здоровье, как мы можем отпустить тебя жить отдельно? Послушайся папы, Сяо Е, раз ты не хочешь видеть Симень Юя, мы выгоним его.

Чжоу Вэнье покосился на помрачневшего Симень Юя и произнес:

— Папа, брат — наследник, с какой стати выгонять наследника из родового гнезда, оставляя жить внутри ненеаследника? Папа, не переживай, я возьму с собой дедушку Ли и уж точно о себе позабочусь. Мне уже почти шестнадцать, я справлюсь. Умоляю тебя.

После того как Чжоу Вэнье вволю поплакался и поупрямился, главе клана Симень оставалось лишь с тяжелым сердцем согласиться. Он выделил сыну особняк неподалеку, приставил к нему профессиональных врачей, поваров и слуг, а дворецкому Ли дал самые строгие наставления, боясь, что младшего сына хоть в чем-то обидят.

Симень Юй молча слушал их разговор, криво усмехаясь, но в споры не ввязывался. Все трое вместе пообедали пресной и безвкусной едой, после чего Симень Юй первым ушел к себе в комнату, а глава клана Симень, дав Чжоу Вэнье последние указания, отправился в офис разбираться с делами, накопившимися после вчерашнего экстренного отъезда. В доме остался лишь Чжоу Вэнье, который, наевшись досыта, вернулся в свою комнату, немного подумал, прихватил с собой две вещи и направился к спальне Симень Юя.

Он постучал в дверь и, немного подождав и не дождавшись ответа, заговорил сам:

— Брат, это я, открой дверь, пожалуйста.

<http://bllate.org/book/21681/2236494>